

О. В. МОРОЗОВ

**Рец. на кн.: Леонтьева О. Б. Историческая память и образы
прошлого в российской культуре XIX – начала XX в.
(Самара: Изд-во «Книга», 2011. 447 с.)**

Рецензия на монографию известного исследователя, специалиста по интеллектуальной истории и исторической культуре России, профессора Самарского государственного университета О.Б. Леонтьевой.

Ключевые слова: историческая культура России, память, образы прошлого.

Монография О.Б. Леонтьевой «Историческая память и образы прошлого в российской культуре XIX – начала XX в.» заняла важное место среди работ по исторической памяти в России и Европе¹. В книге представлены результаты двух исследовательских проектов: «Историческая память и образы прошлого в русской культуре 1860–1880-х гг.» (Gerda Henkel Stiftung, 2006–2008) и «Исторический опыт социальных трансформаций и конфликтов» (грант ОИФН РАН, 2009–2011).

Очевидный интерес отечественных историков к проблематике памяти объясняется не столько модными тенденциями западной историографии, сколько актуальной для современной России повесткой дня. Обращение к исторической памяти XVIII, XIX, XX столетий и даже допетровских времен обусловлено тем, что за двадцать с лишним лет российскому обществу так и не удалось определиться с нравственными ориентирами, идентичностью, а также подходами к оценке национального прошлого. Кризис постсоветской идентичности явился и культурным контекстом, и стимулом обращения к анализу мнемонических практик предыдущих эпох. «Войны памяти», сотрясающие сегодня общественную среду, телевидение, Интернет – следствие непроработанного исторического наследия XX века. Результаты этого наследия проявляются то в попытках навязать школе единый «историко-культурный стандарт», то в малопродуктивных дискуссиях о роли Сталина в организации массовых репрессий и развязывании Второй миро-

¹ В том же предметном поле находятся появившиеся относительно недавно коллективные труды: Образы прошлого и коллективная идентичность... 2003; История и память... 2006; Диалоги со временем... 2008; Образы времени... 2010; Историческая культура императорской России... 2012.

вой войны, то в диагностируемой социологами тоске россиян по утраченному имперскому величию. Академическим исследователям, которые в массе своей надеются уйти от проблем «преодоления прошлого», рано или поздно придется взять на себя роль разрушителей идеологических идолов и творцов нового исторического сознания.

Впрочем, книга О.Б. Леонтьевой не о нравственном долге ученых, а об исторических представлениях, бытовавших в дореволюционной России. Изучение исторической памяти помогает понять задачи, которые ставили производители и потребители исторического знания, каким видели они прошлое своей страны, как и из чего создавались его репрезентации. Для анализа О.Б. Леонтьева выбрала моменты переопределения и ревизии исторических представлений в пореформенной России 1860-х гг. и на закате империи Романовых в начале XX века.

Введение к книге содержит обзор подходов к изучению памяти, разработанных в рамках разных социогуманитарных дисциплин: анализ нарративных структур и языка текста, пространственных метафор и «ландшафта памяти», мифологических образов и их роли в сознании человека, «образов прошлого» и их воплощения в художественной культуре. Видимо, автору импонирует подход, использованный С.Ю. Малышевой² в работе с раннесоветскими революционными празднествами: на его основе выстраивается вся архитектура книги. Вслед за Малышевой Леонтьева выделяет три слоя исторических представлений: «“глобальный” (представление об истории, ее ходе и об историческом времени); мифология конкретных исторических событий; и мифология личности»³.

В первой главе рассматриваются представления о природе и задачах исторического знания от Великих реформ до «Серебряного века». Во второй – проблемы периодизации российской истории и ведущие образы трех разных эпох: Киевской Руси, Руси в период монгольского ига, Московского государства. В третьей главе анализируются представления об Иване Грозном и Петре I – самых популярных персонажах исторических нарративов второй половины XIX – начала XX в. Четвертая глава воспроизводит образы народной вольницы и старообрядчества. Наконец, в центре пятой главы находятся героические образы. К ним русская интеллигенция относил декабристов и народников.

Хотя в целом хронологические границы охватывают вторую половину XIX — начало XX в., автор оставляет за собой право расширять и

² Малышева. 2008.

³ Там же. С. 683–684.

сужать временные рамки исследования по мере необходимости. Как пишет О.Б. Леонтьева, «генеалогию некоторых образов исторической памяти логично проследить с самого начала XIX или даже с конца XVIII в. Тем не менее, исследовательское внимание будет сосредоточено прежде всего на пореформенном периоде отечественной истории и на тех переменах в историческом сознании образованного общества, которые происходили после отмены крепостного права и сопутствовали модернизации российского социума» [С. 20–21]. Гибкие временные рубежи дают автору больше свободы, но вместе с тем сильно растягивают и без того насыщенное повествование.

В основе предлагаемого исследовательского подхода лежит понятие М.А. Барга «историческая культура», подразумевающее, что научное творчество развивается в широком культурном контексте⁴. Понятие это синкретично: оно позволяет охватить все формы исторического знания и представить их в виде цельного явления, миновав любые демаркации. При анализе представлений о прошлом «образованного общества» Российской империи 1860–1880-х гг. такой подход продуктивен.

О.Б. Леонтьева объясняет свой выбор тем, что характерной чертой эпохи Великих реформ была значительно меньшая, чем в наши дни, дистанция между академической историей и неакадемическими представлениями. Фигура В.О. Ключевского, в которой органично соединились образы ученого и просветителя, – лучшее тому свидетельство: «В.О. Ключевский – центральная фигура российской исторической науки [...] – приобрел небывалую славу и моральный авторитет в российском обществе именно как неутомимый просветитель: лектор, обладающий “тайной всецело покорять себе аудиторию”, и автор научных трудов, которые по “степени художественности” можно было воспринимать как “памятник русской изящной литературы...”» [С. 34]. Эту же мысль подтверждает популярность публичных лекций и диссертационных защит по истории, куда с готовностью приходили столичные интеллектуалы, принимавшие участие в научных диспутах.

В книге обстоятельно описываются споры ученых о границах и основаниях исторической науки, возможных методах изучения прошлого и главное — о вопросах профессиональной этики (о пределах допустимого, о возможностях интерпретации, о волюнтаризме, о моральной ответственности, о праве судить). О.Б. Леонтьева проследила линии моральной истории, реализма, научного позитивизма, символизма и ви-

⁴ Леонтьева. 2010. С. 844.

зионерства, уделила внимание вопросу влияния на историю философских парадигм (например, в усвоении идей баденской школы неокантианства видятся первые шаги к антропологическому повороту) [С. 62]. Это компактный, емкий и понятный научный материал.

Автору удалось раскрыть такие темы, как континуитет, цезуры и принципы периодизации. Её объяснения позволяют понять, как образуется смысл истории. Так, моральная история Карамзина в середине XIX в. превратилась в «суд над историей» и этический максимализм. Судить надо было не только лица, но и процессы, явления. Позитивизм 1870-х гг. пытался отрешиться от максимализма через поиски законов, которые бы определяли развитие общества и государства. Не меньший интерес представляют доминантные образы прошлого и их эволюция. Леонтьева контекстуализирует единицы и категории дискурса о прошлом, реконструируя современные им смыслы.

Исследуемые О.Б. Леонтьевой трансформации науки и общественной мысли дают повод задуматься о том, как сегодня видит историю не только российский гуманитарий, но и далекий от науки обыватель. И хотя во второй половине XIX века проблема нравственного осмысления прошлого стояла перед Россией далеко не так серьезно, как сейчас, даже в недрах господствовавшего тогда позитивизма зрели представления о необходимости моральной оценки, которую должен давать историк. Н.И. Кареев в статье «Суд над историей», опубликованной в журнале «Русская мысль» (1884), предостерегал от апатии и бесстрастия, способных наступить при чрезмерном увлечении объективизмом. Этим он ставил себя между суровыми призывами к поиску «обнаженной истины» и «субъективной школой», представленной П.Л. Лавровым, Н.К. Михайловским и С.Н. Южаковой. По словам Леонтьевой, возможный благодаря этой школе «суд над историей» подрывал авторитет объективных исторических законов, пытаясь описывать прошлое с «позиций Правды — социально значимых представлений об “истине на деле”» [С. 49], что во многом было продиктовано жадной интеллигенции к обновлению и стремлению порвать с «проклятым» крепостническим прошлым.

Сегодня слово «правда» постепенно уходит из лексикона историка в научно-популярный дискурс и публицистику. Благодаря западной историографии XX в., российские историки смогли частично оправиться от синдрома «объективности». Правда, тот тут, то там периодически возникают реплики в его защиту. Вопрос «Может ли история быть объективной?» был даже вынесен в название научной конференции, проходившей на историческом факультете МГУ в 2011 г. Неакадемические

же представления о природе гуманитарного знания представляют для профессиональных историков откровенную угрозу. Вызывает опасения не столько порабощающая умы идеология «объективной» истории, сколько бескомпромиссная уверенность в том, что многообразие исторических реалий может быть сведено в русло одной универсальной интерпретации, запертой внутри письменного нарратива (напр., «канонического» учебника или единого «историко-культурного стандарта»).

Критика «объективных законов» пользовалась большим успехом в начале XX в., когда наступило разочарование в «картезианском идеале науки» [С. 61]. Такие ученые, как В. Дильтей, В. Виндельбанд и Г. Риккерт отвергали исторический «презентизм», делая упор на поиск в прошлом уникального и неповторимого, стараясь избежать навязанных прошлому законов и закономерностей. Для российской методологии истории этот период ознаменовался повышенным интересом к баденской школе неокантианства, разработкой новых методов интерпретации источника, чем занимался, например, А.С. Лаппо-Данилевский. Леонтьева подчеркивает, что российская историческая школа на данном этапе занимала позицию между позитивизмом и неокантианством, привлекая подходы обоих течений. Прежние модели никуда не ушли, но под давлением новых веяний отступили на второй план.

В художественной жизни «Серебряного века» легко различим мемориальный уклон, «воскрешающая сила исторической памяти» [С. 55], где постепенно стираются грани между изучением прошлого и визионерством («Роза Мира» Д. Андреева). Реинкарнация прошлого посредством художественной культуры была краеугольным камнем религиозной философии В. Соловьева, мечтавшего о «цельном знании» – воплощении единства интеллектуального сообщества [С. 58]. Влияние религиозной философии заставило по-новому подойти и к целям осмысления прошлого – самой сути парадигмы «исторического прозрения». В предреволюционное время это уже был не поиск «народной Правды», а желание открыть религиозную истину, «вечные замыслы Бога о мире» [С. 81].

В первом разделе второй главы разбираются попытки упорядочить историю по хронологическому принципу. Здесь автору удастся показать, что историческая наука XIX века пыталась избавиться от династического способа периодизации («по князьям и царям»), предлагая новые принципы упорядочения хаотичного потока прошлого. Хронологические структуры создавали В.Н. Татищев, А.-Л. Шлёцер, М.Ф. Владимирский-Буданов, Д.И. Иловайский, В.О. Ключевский. Особняком в этом перечне стоит С.М. Соловьев, не видевший смысла в периодизации. Исключение

он сделал только для эпохи Петра I, которую считал рубежом между «двумя разными Россиями». Водораздел между допетровским и послепетровским временем, стал для Соловьева переходным периодом, временем возмужания народа, когда на смену чувству приходит мысль.

Историческая наука искала в образах прошлого отправную точку для развития коллективной идентичности, «колыбель национальной государственности и культуры» [С. 425]. Претендентами на этот почетный титул оказывались то Киевская Русь, то Московское государство, то петровская Россия, то империя монголов (здесь, правда, автор выходит за рамки начала XX в. и обращается к работам Н.С. Трубецкого).

Хотя историки XIX в. стремились отойти от устаревшей хронологии, вырваться из плена событийной истории им так и не удалось. Иногда, конечно, политическая история гармонично сочеталась с описаниями законов, нравов, культуры и торговых отношений. По этому пути пошел Н.М. Карамзин, который остался верен «династической» периодизации. В остальном по-новому выделенные периоды предлагали читателю всё то же линейное повествование, разделенное реперными точками на «пространственно-временные целостности» [С. 91]. Только теперь эти целостности были дольше. «Неизменным оставалось убеждение, что каждую стадию отечественной истории можно описать как целостный и своеобразный мир-хронотоп, кардинально отличающийся от предшествующей и последующей стадии», – пишет О.Б. Леонтьева [С. 98]. Таким образом, новым периодизациям не удалось избежать влияния дискретности, которая господствовала в умах ученых и культурных деятелей второй половины XIX – начала XX в.

Интересно, что выбранный автором способ аналитической реконструкции исторических представлений создает у читателя эффект постоянного волюнтаристского переписывания рассказа о прошлом в угоду современности. Может быть, этот эффект возникает потому, что в этом движении не показаны когнитивные аспекты науки, а только политические. Связь между политическим и научным дискурсами представлена не через ангажированность историков, а с точки зрения исторической культуры и единых стимулов развития (интерес к земскому самоуправлению, формам государственности, поиски ассоциаций и аллюзий). У кого-то из персонажей это более нюансировано, у кого-то представлено в виде довольно прямых параллелей. О.Б. Леонтьева рассматривает эту зависимость на научных, литературных и музыкальных произведениях больших жанров. При этом показано не только «онаучивание» политического и художественного дискурсов (на примере работ

М.Н. Каткова и Л.А. Тихомирова) [С. 227–228], но и встречный процесс – использование в науке литературных метафор и визуальных образов.

Поиски идентичности «образованным обществом» Российской империи представлены в виде борьбы нескольких идеологических моделей. Все они опирались на собственные перечни событий и героев и за всеми стояли свои сторонники. В основе каждой лежала своя фундаментальная идея, будь то верность царской династии или величие русского национального характера. «Национальная» история растекалась на три главных течения: «национально-государственное», «национально-либеральное», «национально-культурное» [С. 426]. Помимо династического и национального существовала также и «демократически-народническая» модель, основанная на идее народа-демоса и критике господствовавшего в стране социального строя [С. 426]. Все модели предполагали свои особенности выстраивания исторического нарратива.

Теперь о том, что вызвало сомнения или встречные размышления. Созданная автором панорама развития исторической культуры напоминает идейные конструкции просвещенного российского общества изучаемых периодов, для которых характерна дискретность и антропоморфизм. Исторические образы получили в книге автономную жизнь. Они появляются, сменяют друг друга, у них есть культурно-психологические свойства, прагматика, они становятся то более, то менее яркими или рациональными. К сожалению, эффект блокбастерного создания исторического нарратива не снижает даже авторское утверждение, что различные трактовки исторических героев [С.230] и идеологические модели соседствовали и соперничали [С. 426]. Нам мало что дает такое признание.

При знакомстве с введением невольно бросаются в глаза слабо аргументированные нюансы. Так, упоминание о том, что в работе изучаются исторические представления не всей России, а конкретной социальной группы – образованных слоев, появляется далеко не сразу [С. 19], и в названии монографии эта фокусировка никак не отражена. Да и в тех случаях, когда автор упоминает об «образованном обществе» [С. 20], она не разъясняет читателю объект своего изучения, его характеристики и параметры. Конечно, после работ Б. Андерсона, Э. Хобсбаума, Т. Ренджера, П. Бурдьё, Э. Геллнера и других конструктивистов утвердилась аксиома о созидательной роли элит в деле формирования национальной истории и производных от нее идентификационных структур. Но равнозначны ли между собой понятия «элиты» и «образованное общество» в данном исследовании? Кто представляет это общество? И как оно соотносится с понятием «интеллигенция», актуальным на тот период?

Семантическая размытость есть и в использовании другого термина – «так называемой *высокой* культуры» [С. 20]. На мой взгляд, подобная формулировка не отражает специфики выбранных автором источников и затрудняет верификацию инструментальных приемов. Даже если не соотносить объект изучения и его определение в источниках, то все равно хотелось бы уточнить, что именно входит в «высокую культуру», и как соотносится с ней, например, «историческая культура», определяемая вслед за М.А. Баргом «как системное единство “исторической мысли”, “типа исторического письма” и представлений о прошлом”, живущих в коллективной памяти той или иной эпохи» [С. 25]?

Актуален и еще один вопрос: насколько оправдана концепция «исторической культуры» при изучении представлений о прошлом конца XIX в.? Как пишет автор в заключении, в эту эпоху «пути науки и искусства в деле воссоздания исторического прошлого кардинально разошлись: искусство продолжало создавать исторические мифы, наука взяла на себя дело их критики» [С. 424]. Если внутри более позднего исторического знания постепенно кристаллизуются свои границы, нужно четко определить, корректно ли изучать историческую память образованных слоев через понятие, в основу которого положено «системное единство»?

Приводимое в начале первой главы соображение, что историческая наука является частью исторических представлений общества, подводящее нас к мысли о синкретизме знания в эпоху Александра II, выглядит декларативным, не содержит хронологических уточнений и опирается на слова другого автора, написанные по иному поводу. Так, О.Б. Леонтьева пишет: «...историческая наука является не только отраслью научных знаний, но и частью исторических представлений общества, “совокупности донаучных, научных, квазинаучных и венаучных знаний и массовых представлений социума об общем прошлом”» [С. 27]. Закавыченные слова взяты из статьи Л.П. Репиной «Образы прошлого в памяти и истории», где говорится не об исторической науке, а об исторической памяти. Приведем эту фразу целиком, чтобы восстановить ее исходный смысл: «“Историческая память” понимается как коллективная память (в той мере, в какой она вписывается в историческое сознание *группы*) или как социальная память (в той мере, в какой она вписывается в историческое сознание *общества*) или в целом – как совокупность донаучных, научных, квазинаучных и венаучных знаний и массовых представлений социума об общем прошлом»⁵. К сожалению

⁵ Ретина. 2003. С. 9–10.

нию, неточное цитирование подрывает убедительность аргументации и ее смысловую стройность.

Посетую еще на невнимательность к профессиональной лексике. Так, например, понятие «историческое знание» сначала используется в широком значении – как совокупность разных форм знания о прошлом: «...представляется целесообразным вначале (в первой главе) обратиться к анализу тех структурных перемен, которые происходили во второй половине XIX – начале XX в. в историческом знании России: к проблеме смены парадигм исторического мышления» [С. 21]. Через несколько страниц историческое знание сужается до значения исторической науки, которая противопоставляется «другим формам исторической культуры»: «Можно выдвинуть рабочую гипотезу, что смена парадигм исторического знания свидетельствует о столь же кардинальных изменениях других форм исторической культуры...» [С. 28].

Наконец, строгое отношение к терминам непременно вызовет у вездливого читателя недоумение, почему автор оставляет в стороне понятие «память», вынесенное к тому же в заглавие книги? О памяти О.Б. Леонтьева пишет только во Введении, забывая концептуализировать ее в дальнейшем с применением теоретического и эмпирического материала. Создается впечатление, что историческая память для автора – всего лишь один из вводных теоретических этапов, трамплин на старте, после которого в центр исследования переходят такие термины, как «образ» и «историческая культура». Возможно, причиной этого стало невнимание к способам восприятия образов, концентрация только на содержимом дискурса, его структуре и языковых средствах.

В XIX – начале XX в. произошла эволюция исторических представлений от монархизма в сторону народа как хранителя базовых ценностей русской культуры и главного субъекта исторического повествования. В этом наука, художественная культура и общественная мысль были едины. Все модели идентичности, описываемые автором, вращаются вокруг категорий «власти» и «народа» – узловых вопросов для «образованного общества» царской России, остающихся актуальными и поныне. Развитие исторической культуры от монархического начала к народному – важный ориентир для современного человека. В этом плане книга О.Б. Леонтьевой заполнила важную лауну, проиллюстрировав опыт формирования национальной идентичности, существовавший в последние полвека Российской империи⁶.

⁶ В данной рецензии использованы результаты, полученные в ходе выполнения проекта «Конструирование традиции: проблема преемственности и разрывов в

БИБЛИОГРАФИЯ

- Историческая культура императорской России: формирование представлений о прошлом / отв. ред. А. Дмитриев. М., 2012.
- История и память: историческая культура Европы до начала Нового времени / под ред. Л.П. Репиной. М.: Кругъ, 2006.
- Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории / под ред. Л.П. Репиной. М.: Кругъ, 2008.
- Леонтьева О.Б.* Власть и народ в зеркале исторических представлений российского общества XIX века // *Образы времени и исторические представления: Россия – Восток – Запад* / под ред. Л.П. Репиной. М.: Кругъ, 2010. С. 844–884.
- Леонтьева О.Б.* Историческая память и образы прошлого в российской культуре XIX – начала XX в. Самара: Изд-во «Книга», 2011.
- Малышева С.Ю.* Мифологизация прошлого: советские революционные празднества 1917–1910-х годов // *Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории* / под ред. Л.П. Репиной. М.: Кругъ, 2008. С. 682–710.
- Образы времени и исторические представления: России – Восток – Запад* / под ред. Л.П. Репиной. М.: Кругъ, 2010.
- Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени* / отв. ред. Л.П. Репина. М.: Кругъ, 2003.
- Репина Л.П.* Образы прошлого в памяти и истории // *Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени* / отв. ред. Л.П. Репина. М.: Кругъ, 2003. С. 9–18.
- Морозов Олег Владимирович*, аспирант факультета истории НИУ ВШЭ, стажер-исследователь Института гуманитарных историко-теоретических исследований им. А.В. Полетаева; olegzorom@rambler.ru